

русской души рационалистической приверженностью праву. По мнению этой интеллигенции, истинное правосудие должно произрасти из справедливого социально-экономического и политического строя, но не из судопроизводства, направляемого началами юриспруденции [8].

На протяжении жизни Достоевский общался со многими известными представителями юридических профессий — судьями, прокурорами, учеными, адвокатами.

«Светлым» пятном в жизни писателя была дружба с Александром Егоровичем Врангелем (1833—1915). Врангель по окончании Александровского лицея в 1853 году отказался от службы в столице и поехал на должность стряпчего (прокурора) по уголовным и гражданским делам в Семипалатинск. Барон-прокурор и политический преступник сдружились. Врангель помогал солдату Достоевскому деньгами, хлопотал о присвоении ему офицерского чина и разрешении вернуться в европейскую часть, его амнистии. Их добрая взаимная привязанность продолжалась долгие годы.

В 1853 году в Омске Достоевский знакомится с юристом и этнографом Е.И.Якушкиным, сыном декабриста И.Д.Якушкина, который навещал его в остроге, а впоследствии состоял с ним в переписке. «Перу» Е.Якушкина принадлежала книга «Обычное право» (1875), имевшаяся в библиотеке писателя.

В Омске, Семипалатинске и Санкт-Петербурге (1854—1861 гг.) Достоевский тепло общался с Чоканом Валихановым (1835—1865), казахским просветителем, юристом, историком, этнографом.

Уже в зрелые годы добрые отношения связывали Достоевского с главным военным прокурором Владимиром Дмитриевичем Философовым (1820—1894) и его семьей — супругой Анной Павловной (1837—1912), видным общественным деятелем, одной из учредительниц Высших женских (Бестужевских) курсов и их детьми.

В кружке Петрашевского Достоевский познакомился с талантливым правоведом и экономистом, впоследствии профессором Петербургского университета Владимиром Алексеевичем Милютиным (1826—1855).

Уважительные отношения связывали Достоевского с такой выдающейся (и такой противоречивой! — вспомним характеристики Л.Толстого и А.Блока. — прим.К.Х.) персоной современной ему России как Константин Петрович Победоносцев (1827—1907), профессором права, крупнейшим ученым-цивилистом, сенатором, многолетним обер-прокурором Синода. О государственном авторитете последнего может служить хотя бы такой факт — Победоносцев преподавал юридические науки будущим царям Александру III и Николаю II. По воспоминаниям супруги писателя, беседы с Победоносцевым доставляли Ф.М. «высокое умственное наслаждение». Особо активно переписка и общение между ними имели место в период работы над «Братьями Карамазовыми». Известно, что, как минимум, одна из научных работ К.П. Победоносцева, с дарственной надписью, хранилась в библиотеке писателя (Курс гражданского права. Часть 3. Договоры и обязательства. СПб, 1880). После смерти Достоевского, Победоносцев был назначен опекуном его детей. Любопытный факт, ранее замалчиваемый в отечественной литературе о Достоевском, — его любили и уважали многие члены царской фамилии. Так, по просьбе

великого князя К.Н. Романова, второго сына императора Николая I, Достоевский «был привлечен» к «воспитательным беседам» с его сыновьями Константином и Дмитрием, а с великими князьями Павлом и Сергеем, сыновьями императора Александра II, регулярно общался до самой своей смерти на литературную и морально-нравственную тематику.

Несмотря на «нелюбовь» (как свидетельствуют современники, «терпеть не мог») к адвокатскому сословию Достоевскому в силу различных жизненных обстоятельств приходилось регулярно общаться со многими известными присяжными поверенными — представителями «новой» адвокатуры.

Так, Достоевский состоял в переписке с адвокатом и председателем Совета присяжных поверенных Вильгельмом Иосифовичем Люстигом (1844—1915), последний был защитником Е.П. Корниловой, дело которой подробно освещалось в «Дневнике писателя», в 1878 г. Достоевский обратился к адвокату с поручением вести дело о наследстве А.Ф. Куманиной.

На стороне писателя в процессе с издателем Ф. Стелловским, а также по «нервотрепному» наследственному делу его родной тетки А.Ф. Куманиной, выступал известный столичный адвокат Борис Петрович Поляков (?—1884). В целом, Достоевский был крайне недоволен его работой.

Знакомым Достоевского был еще один адвокат, в последствии судья Московского окружного суда Владимир Иванович Веселовский. Он был назначен в 1868 г., вместе с братом писателя — А. Достоевским опекуном их тетки А.Ф. Куманиной, столь много сделавшей добра для Ф.М.

Знаменитый петербургский адвокат «первой волны» Виктор Павлович Гаевский (1826—1888), секретарь и председатель Литературного Фонда около двадцати лет (с 1861 по 1880 гг.) тесно общался с писателем на «ниве» литературы и юриспруденции. В 1863 году Достоевский принимал от Гаевского дела, заняв вместо него должность секретаря фонда. Последний был защитником Достоевского, когда тот, будучи редактором «Гражданина», нарушил цензурный устав и был приговорен к двум дням ареста на гауптвахте.

В Петербурге писатель был частым гостем на литературных вечерах у Алексея Михайловича Унковского (1828—1893), выдающегося юриста, присяжного поверенного. Последний также неоднократно оказывал Достоевскому правовую помощь в его тяжбах с издателями.

Адвокат Василий Иванович Губин знакомый писателя 70-х годов, вел в первой половине 1870-х годов дело против прижимистого Ф.Г. Стелловского, незаконно издавшего «Преступление и наказание».

На 60—70-е годы приходится общение писателя еще с одним представителем адвокатского сообщества — Александром Владимировичем Лохвицким (1830—1884), литератором, одним из редакторов «Судебного вестника».

Юрист по образованию, Иван Петрович Бочаров (1820—1892) в качестве частного поверенного участвовал при заключении Достоевским договора с ранее упомянутым Ф. Стелловским на издание собрания сочинения, на стороне последнего (1865). Общались они и в последующие годы. И. Бочаров, возможно, послужил прототипом Чебарова в «Идиоте».